

БЫТОВЫЯ УСЛОВІЯ АРМІИ.

(Окончаніе 1).

Въ путей, по которымъ возможно органическое воздѣйствіе на офицерскую рабочую массу съ цѣлью пробужденія въ нихъ профессиональныхъ идей и творчества—много. И въ общей своей массѣ всѣ условія, наличность которыхъ способна возбудить идейную офицерскую самодѣятельность, распредѣляются въ группы по слѣдующимъ цѣлямъ:

- 1) установленія истыхъ отношеній между военнослужащими,
- 2) обезпеченія за каждымъ достаточной доли самостоятельности, безъ которой нѣтъ мѣста творчеству,
- 3) утвержденія въ каждомъ сознанія его участія не въ мелкомъ частномъ, а въ общемъ громадной важности дѣлѣ, привлеченія его мыслей и интереса къ этой общей работѣ.

Изъ этихъ трехъ группъ двѣ послѣднія осуществляютъ прогрессивныя цѣли и открываютъ путь къ болѣе священному творчеству. Что же касается первой группы, то здѣсь дѣло заключается въ исправленіи, такъ сказать, пути отъ накопившихся серьезныхъ препятствій.

И поэтому если по отношенію двухъ послѣднихъ группъ необходима особая осторожность и продуманность въ примѣненіи

1) См. «Военный Сборникъ» № 6.

мѣропріятій, ибо тутъ—исканіе новыхъ путей, то съ другой стороны въ первой области желательна самая рѣшительная энергія съ перваго же момента, дабы вниманіе организатора не отвлекалось на долгій срокъ для борьбы съ отрицательными условіями и возможно скорѣе всецѣло сосредоточилось надъ созданіемъ новыхъ.

а) Взаимныя отношенія офицерскихъ чиновъ.

Въ мірѣ социальныхъ отношеній присутствіе недуга въ одной области болѣзненно отражается на всѣхъ проявленіяхъ жизни, и иначе быть не можетъ, ибо человѣческія общества—тѣ же организмы, въ которыхъ недугъ дѣлаетъ больнымъ все тѣло. Нашъ міръ военный страдаетъ острою обще-русскою болѣзью атрофіи идейныхъ чувствъ, и того естественнымъ послѣдствіемъ является ненормальность взаимныхъ отношеній офицерскихъ чиновъ какъ сверху внизъ, такъ и по линіи.

Въ идеѣ всѣ военные чины арміи суть одинаковые слуги Государя и Отечества, несущіе равно почетную и равно отвѣтственную роль защитниковъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. И въ жизни каждаго военного есть одинъ моментъ, когда онъ проникается живительнымъ и радостнымъ сознаніемъ своего вступленія въ ряды избранныхъ, посвященныхъ. Моментъ этотъ присяга—общая для всѣхъ. Но на фонѣ общей тусклости и безыдейности этотъ моментъ быстро расплывается, теряетъ краску, и въ понятіяхъ военного торжественная присяга скоро превращается не въ актъ клятвы и воссоединенія, а только одной клятвы. Вся остальная жизнь военная ежеминутно подчеркиваетъ вновь вступившему, что ряды ея воиновъ изрѣзаны и вдоль и поперекъ различными преградами, создающими группы бѣлой и черной кости, важныхъ и приниженныхъ, законно чопорныхъ и надменныхъ и обязательно скромныхъ и робкихъ. Практически допускается брань, даже издѣвательство, окрики, чванство, презрѣніе, причемъ проявленіе подобныхъ отношеній является столь естественнымъ, что не только лица высоконачальствующія, поведеніе коихъ часто оправдывается высокими заслугами передъ родиной и лѣтами, относятся порой безъ уваженія къ подчиненнымъ, но и многіе, добившіеся маломальски исключительнаго положенія, немедленно проникаются олимпійствомъ, недопустимымъ и оскорбляющимъ высокоуміемъ и неуваженіемъ.

Историческія причины и тутъ играютъ немаловажную роль: распущенность въ поведеніи—отголосокъ крѣпостничества. Въ то время на обширной территоріи нашей земли, почти лишенной сооб-

щеній съ руководящимъ центромъ, возросла цѣлая армія князьковъ всякаго рода—помѣщичьихъ, канцелярскихъ, войсковыхъ, которые, не чувствуя на себѣ узды контролера и обладая властью, пользовались послѣдней но свободному хотѣнію; возникъ своеобразный феодализмъ, заключавшійся въ безчисленномъ множествѣ мелкихъ господъ, самовластно распоряжающихся въ предѣлахъ своихъ леновъ. И подъ вліяніемъ подобнаго неустройства, общія идеи, общія права на извѣстныя вещи постепенно узурпировались, получивъ характеръ личныхъ имуществъ избранныхъ. Идея служенія отечеству отпала, ибо—въ губерніи служили не Россіи, а его превосходительству—губернатору, увѣренно говорившему—«моя губернія», въ канцеляріяхъ служили не Россіи, а начальникамъ отдѣленій, департаментовъ, убѣжденно говорившихъ—«мое отдѣленіе, мой департаментъ». А когда ступевалась идея служенія родинѣ, то исчезло и представленіе о слугахъ Царя и Отечества, вмѣсто которыхъ появились люди угодные и неугодные, что въ свою очередь открыло полный просторъ своенаравію сильныхъ. И атмосфера русской жизни прониклась заразою этого самовластія, столь соблазнительнаго.

Люди зависимые, испытавшіе на себѣ всю силу и всю безнаказанность подобнаго поведенія высшихъ, проникаются стремленіемъ достигнуть подобной же роли, видя въ послѣдней единственную выгодную цѣль, дѣлаясь затѣмъ еще болѣе разнузданными и своенаравными господами; люди по рожденію своему независимые съ колыбели проникались представленіемъ о своихъ суверенныхъ правахъ, проникаясь съ дѣтства и презрѣніемъ ко всему тому, что не имѣло привилегій гнуть въ бараній рогъ, а обязано подчиняться. И отъ всего этого на заболоченной, застоявшейся поверхности нашей жизни всплыло чванство, гордыня, неуваженіе, своеволие и неподчиненіе законамъ, которые покрыли жирнымъ слоемъ всѣ отношенія какъ личныя, такъ и служебныя. А между тѣмъ именно у насъ то, казалось, имѣ то и не должно было быть мѣста, ибо именно въ Россіи никогда не существовало легальнаго, природнаго феодализма и во всѣ времена 99,9% нашего народа во всей его совокупности были слугами и дворовой челядью немногихъ первородныхъ князей.

Императоръ Александръ II рядомъ великихъ реформъ поднялъ плотину, за которой застоялась и загнивала русская жизнь, и съ того момента нездоровая накипь съ поверхности ея начинается

исчезать, но муть отъ нея еще есть, и нужны фильтры для окончательной очистки и оздоровленія ея.

Необходимо объявить рѣшительную войну еще господствующему у насъ неуваженію къ подчиненнымъ, всѣ проявленія коего являются оскорбленіемъ идейнаго существа арміи. Каждый воинъ долженъ имѣть свои права и обязанности, честное исполненіе коихъ должно обеспечивать ему полную мѣру уваженія и вниманія. И никто изъ насъ не имѣетъ права выходить изъ границъ, предоставленныхъ законами и диктуемыхъ идейною сущностью.

Во всякомъ организованномъ обществѣ не можетъ не быть людей привилегированныхъ, но привилегіи, какъ награды за заслуги, лишь открываютъ болѣе широкое поприще дѣятельности, лишь увеличиваютъ законную правомочность ихъ обладателей и отнюдь и ни съ какихъ сторонъ не выводятъ ихъ на путь произвольныхъ, незаконныхъ дѣяній, къ каковымъ относится и неуважительное отношеніе къ средѣ ихъ выдвинувшей.

б) Служебная инициатива.

Произволь губить самодѣятельность. Но въ той же мѣрѣ вредитъ ей и неопредѣленность тѣхъ рамокъ, въ предѣлахъ которыхъ ей надлежало бы держаться. И такъ какъ вопросъ о самодѣятельности есть капитальный вопросъ военнаго дѣла, то на утвержденіе просторныхъ границъ личному почину у насъ уже давно обращено вниманіе. Однако стремленія въ этой области закрѣпились пока прочно лишь въ теоріи, а на практикѣ личный починъ еще не расцвѣлъ въ насъ въ достаточной пышности.

Всякая общественная дѣятельность опирается на одно изъ двухъ основаній: централизацію или обратно—децентрализацію дѣла. И при условіи своего разумнаго примѣненія, опытъ показываетъ, что централизація умѣстна лишь тамъ, гдѣ налицо одно механическое выполненіе или полная неподготовленность исполнительныхъ органовъ, и что — децентрализація является обязательнымъ принципомъ для тѣхъ дѣятельностей, въ которыхъ большая часть успѣха зависитъ отъ индивидуальнаго творчества, и тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ исполнители набираются изъ той среды или группы, которую специально приготовляли къ подобнымъ ролямъ. Тотъ или другой принципъ, заложенный въ основу веденія дѣла, создаютъ каждый свою систему руководства, которыми рамки самостоятельной дѣятельности суживаются или наоборотъ—расширяются. И тотъ же опытъ указываетъ, что въ первомъ случаѣ сущность этой схемы выражается въ видѣ инструкцій и предписаній съ инспек-

ціей и «вылавливаніемъ» въ качествѣ контроля, а во второмъ, она опирается главнымъ образомъ на указанія и директивы, которымъ сопутствуютъ наблюденія и критика тоже въ видѣ контроля.

Область военнаго дѣла есть область примѣненія личнаго творчества, и слѣдовательно она требуетъ примѣненія принципа децентрализаціи. А тогда, чтобы обезпечить въ арміи самодѣятельность (частную инициативу), крайне важно, чтобы руководство свыше возможно болѣе суживало примѣненіе категорическихъ императивовъ, указывающихъ, какъ дѣлать (инструкціи и предписанія), ограничиваясь болѣе общими, довѣрительными указаніями, и оставляя за собою право наблюденія и критики. И затѣмъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется простой актъ повинovenія или когда необходимо положить рѣзкій предѣлъ неумѣлому исполненію, отъ лица старшаго долженъ появляться приказъ, ясно и точно предписывающій извѣстное поведеніе.

Прослѣдить вредъ категорическихъ и мелочныхъ инструкцій (приказовъ), вносящихъ въ каждый шагъ исполненія принудительную волю другого, легче всего на примѣрахъ:

1) Старшій начальникъ находитъ, что, несмотря на ясныя статьи устава, увольненіе нижнихъ чиновъ со двора вещь нежелательная, ибо случаи столкновений, безобразій съ участіемъ солдатъ участились, замѣчается распущенность и проч. И отдается приказъ — прекратить отпуски. Но достигнется ли этимъ главное — искорененіе зла? Можетъ ли мѣра внѣшняго, механическаго давленія передѣлать, перевоспитать этихъ солдатъ? Думается, что польза запрета не только не отразится на виновныхъ, но повредитъ настроенію огульно подведенныхъ подъ наказаніе. Искоренить зло можно, лишь карая проступокъ и поощряя хорошихъ, а такъ какъ личное поведеніе каждаго можетъ регистрироваться только ближайшимъ отвѣтственнымъ начальникомъ, то слѣдовательно ему, во имя пользы дѣла, и необходимо предоставить право группировать подчиненныхъ на достойныхъ и недостойныхъ пользоваться предоставленными имъ привилегіями, разъ вопросъ касается общаго поведенія. Но подобный приказъ не только не исцѣляетъ непосредственно самое зло, онъ тормозитъ и прочіе способы исправленія, ибо, предписывая извѣстное поведеніе, онъ симъ устраняетъ усилія болѣе близкихъ начальниковъ, подавляя въ нихъ возможность и охоту найти лучший способъ поддержанія порядка въ средѣ своихъ подчиненныхъ. Подобнымъ приказомъ каносится сразу двойной ударъ и дѣлу, и частному служебному почину младшихъ началь-

никовъ. Такъ—ротный командиръ, внимательный и усердный, считаетъ, что требовать всю мѣру рабочихъ усилій солдатъ можно лишь при условіи періодическаго отдыха, праздничнаго отпуска, но хотя бы онъ и строилъ свою систему воспитанія на поощреніяхъ, къ которымъ относилъ бы эти отпуска, онъ обязанъ подчиниться и сложить руки.

Тоже произойдетъ и въ области военныхъ упражненій, если каждый шагъ младшаго регламентируется сверху. Всякія подробныя расписанія занятій съ указаніемъ, что когда и какъ дѣлать, всякія инструкціи, детально преподающія приемы обученія—все это отрицательнѣйшіе способы установленія лучшаго, ибо оно скрываетъ личность младшаго и обращаетъ его въ апатичнаго исполнителя чужой воли.

Однако—ограничивая въ предѣлахъ возможности поученія тому «какъ дѣлать», высшій начальникъ не можетъ всецѣло успокаиваться на указаніяхъ «что дѣлать», ибо въ такомъ случаѣ личный починъ каждаго можетъ быстро перейти границы, разведя обученіе строевыхъ единицъ по совершенно различнымъ и даже противоположнымъ путямъ. И для того, чтобы въ общей работѣ сохранились нужная гармонія и цѣлость, необходимо дѣятельность исполнителей ставить подъ тщательный контроль высшихъ руководителей. Но контроль этотъ опять таки обращается въ отрицательное средство, если выливается въ форму инспекцій и наѣздовъ, имѣющихъ каждый разъ рѣшающее значеніе въ оцѣнкѣ дѣятельности. Ибо случайнымъ наѣздомъ выясняется лишь частный случай, часто не имѣющій ничего общаго съ дѣйствительностью. Какая польза въ томъ, что начальникъ случайнымъ наѣздомъ выловитъ упущеніе? Не зная обстоятельствъ работы, онъ не будетъ вправѣ вывести общаго заключенія изъ замѣченнаго и если сдѣлаетъ это, то рискуетъ возбудить во многихъ душахъ чувства глубокой обиды и разочарованія.

Такъ,—старшій начальникъ прибываетъ въ роту въ часъ, отмѣченный для начала занятій, и не находитъ тамъ ротнаго командира. Проступокъ налицо и почему бы и не заклеить его. Однако оказывается, что ротный командиръ потому явится къ 9¹/₂ часамъ утра, а не къ 8¹/₂, что вчера было воскресенье, и онъ лично ночью въ 1 часъ ночи былъ въ ротѣ и принималъ возвращавшихся до позднихъ часовъ, что онъ дѣлаетъ періодически для личной повѣрки поведенія отпускныхъ. Справедливо ли въ подобномъ случаѣ клеить его запозданіе на слѣдующій день, запозданіе, о которомъ онъ наканунѣ предупредилъ фельдфебеля?

Контроль долженъ давать въ результатѣ характеристику, но послѣдняя возможна лишь при рядѣ наблюдений, выясняющихъ истину. И оказывается, что для военного контроля дѣятельности болѣе чѣмъ когда примѣнима поговорка «семь разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь», ибо иначе возможны роковыя ошибки.

Значеніе связанной серіи наблюдений имѣетъ и другую драгоценную пользу, ибо открываетъ возможность къ достойному поощренію лучшихъ. А послѣднее такъ важно для интенсивнаго творчества!! Ибо истый дѣятель, интересуясь работой своей, ревнивъ къ ней и жаждетъ справедливой оцѣнки ея. Отдавая подобною исполнительною должностію дань уваженія и вниманія, этимъ путемъ вливаютъ въ его душу новую бодрость и новую энергію, которыя поддержать его въ его трудной работѣ. И касаясь вопроса о поощреніяхъ, послѣднія менѣе всего желательно понимать въ формѣ матеріальныхъ наградъ, жалованье коихъ можетъ оправдываться лишь особой заслугой, выходящей изъ рамокъ нормальныхъ обязанностей. Нѣтъ!—Честная, хорошая служба есть обязанность каждаго, и она должна лишь давать доступъ на тѣ права, которыя съ ними связаны:—уваженіе, вниманіе и признаніе достоинства.

Итакъ, изслѣдуя область служебной дѣятельности исполнителя, необходимо установить, что самодѣятельность послѣднихъ находится въ тѣсной зависимости отъ характера руководства и наблюдения, которые, давая просторъ, наводя, критикуя и поощряя, не давили бы.

в) Служебная оріентировка.

Ширина кругозора, глубина и ясность перспективы, пониманіе окружающаго—непремѣнныя условія успѣшной творческой дѣятельности. Выше указывалось, насколько важно ставить офицерство лицомъ къ лицу съ его обязанностями передъ Государемъ и Родиной и освѣщать его роль въ общей жизни народной. Теперь, надлежитъ установить его идейную связь съ общимъ ходомъ самого военного дѣла, ибо для дѣятеля важна не только сознательность гражданская, но и профессиональная.

Необходимость знакомства офицерства съ общимъ ходомъ военного дѣла признана. Но сознаніе это въ практикѣ не получило еще своего должнаго примѣненія. Дѣйствительно!—дѣло пока ограничивается командированіемъ отдѣльныхъ офицеровъ въ другіе роды оружія для ознакомленія, но развѣ этимъ однимъ исчерпывается нужная связь и взаимное пониманіе всѣхъ военнотружущихъ, и развѣ нѣтъ болѣе глубокаго, болѣе общаго основанія, къ которому

желательно было бы сводить корни всѣхъ военныхъ профессиональныхъ понятій и представлений. Правда, картину общей жизни военной непрестанно рисуетъ и дорисовываетъ военная наука, но наука можетъ лишь трактовать о теоретическихъ желанныхъ идейныхъ образцахъ и констатировать какой либо новый фактъ въ этой жизни и не можетъ выражать направленія работы въ томъ видѣ, въ какомъ она выливается въ рукахъ данныхъ руководителей. И поэтому для того, чтобы масса исполнителей работала въ условіяхъ широкаго ориентированія, необходимо, чтобы помимо науки она черпала пониманіе дѣйствительности изъ разъясненій и ориентировки самихъ руководящихъ органовъ.

Военная дѣятельность слагается изъ:

- 1) Работы центральныхъ органовъ управленія,
- 2) » органовъ строевыхъ управленій,
- 3) » специальностей,

и крайне важно, чтобы общій ходъ всего военного механизма не ускользалъ отъ общаго военного пониманія.

Всякое дѣло имѣетъ свою общую и особенную часть, свою идейную и техническую стороны, свой планъ и исполненіе. И если нѣтъ возможности знакомить массу съ техническими приемами всѣхъ поставленныхъ цѣлей, то зато идейная ихъ подкладка доступна самой широкой популяризаціи. Нѣтъ способовъ сблизить офицерство съ исполнительною работою всѣхъ военныхъ учреждений, но есть полная возможность держать его въ курсѣ тѣхъ мыслей, заботъ и плановъ, которые залегаютъ въ ея основаніе.

Между тѣмъ дѣятельность всѣхъ нашихъ центральныхъ учреждений пронизана строгою замкнутостью и полной отчужденностью отъ арміи. Изъ ихъ нѣдръ въ послѣднюю вливаются широкіе потоки приказовъ, разъясненій и прочихъ документовъ, но весь этотъ матеріалъ, порою включающій въ себя моменты рѣзкаго измѣненія въ пользу новаго—плодъ процессовъ мыслей и исканій, сущность коихъ остается въ неизвѣстности громадному большинству.

Беремъ для примѣра одно изъ главнѣйшихъ учреждений нашего военного вѣдомства—Главный Штабъ, дѣятельность котораго и по размѣрамъ, и по кругу задачъ такъ глубоко затрагиваетъ существеннѣйшіе интересы арміи. Главный Штабъ—одинъ изъ главнѣйшихъ рычаговъ всего военного механизма, а развѣ дѣятельность его представляется ясно большинству? Такое же впечатлѣніе на армію производятъ и прочіе центральные органы, понятія

о которыхъ у большинства держатся только по книгамъ администраціи. А между тѣмъ въ этихъ центральныхъ органахъ—громадная лабораторія, гдѣ возникаютъ и изслѣдуются основные мотивы всего военного дѣла. И слѣдовательно—развѣ нормально, чтобы исполнители этихъ идей служили въ полномъ невѣдѣніи тѣхъ обстоятельствъ и причинъ, которыя дали имъ жизнь? Государственные учрежденія, равно какъ и государственныя идеи, должны быть достояніемъ общимъ, и всякій военный долженъ чувствовать свою крѣпкую связь съ центральными военными органами, гдѣ зарождается мысль, которую ему придется претворять въ дѣло.

Армія обязана являться искусной, самодѣятельной исполнительницей замысловъ, исходящихъ отъ центра, ее вдохновляющаго—центрального военного управленія, и въ этомъ ея зависимость отъ послѣдняго. Въ свою очередь—центральное военное управленіе обязано широко знакомить исполнителей съ идейной стороной своихъ начинаній, и въ этомъ его обратная зависимость отъ войскъ. И пока не установится этой идейной зависимости между работодателемъ и исполнителемъ, не будетъ единого военного организма въ странѣ, а будетъ «въ одномъ государствѣ нѣсколько», при чемъ вмѣсто глубокой солидарности, сочувствія и взаимной освѣдомленности въ военной жизни будетъ царить недоувѣріе, отчужденіе и, какъ слѣдствіе тому—недоброжелательность.

Идейная сущность каждой работы заключается:

а) въ установленіи извѣстныхъ цѣлей, достиженіе коихъ желательно,

б) въ выборѣ путей для достиженія послѣднихъ,

в) въ подведеніи итоговъ уже затраченныхъ усилій.

И во имя пользы дѣла, во имя взаимнаго пониманія, во имя столь значущей ориентировки необходимо, чтобы армія знакомилась съ этими планами центральныхъ органовъ военного вѣдомства, равно какъ и съ итогами того, что уже проводится въ жизнь или исполнено. Въ этихъ отчетахъ не мѣсто подробностямъ, но тамъ должны находить себѣ мѣсто схемы выбранныхъ цѣлей, путей съ идейной мотивировкой ихъ, равно какъ и подведенные итоги исполненнаго. Включая въ нихъ затѣмъ краткія свѣдѣнія о бюджетѣ и происшедшихъ распредѣленіяхъ суммъ, о размѣрѣ затратъ на важнѣйшія цѣли, о возможныхъ остаткахъ, словомъ, главныя основанія финансовой политики министерства, центральный органъ будетъ передавать въ руки войскъ драгоцѣннѣйшій ориентировоч-

ный матеріалъ, освѣщающій имъ обстановку и роднящій ихъ съ общимъ ходомъ военнаго дѣла.

Возможно, что отсутствіе средствъ и желаніе не доводить извѣстныхъ начинаній до всеобщаго (всемирнаго) свѣдѣнія не допустить печатать этихъ необходимыхъ отчетовъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Но послѣднее и не такъ важно, ибо эти отчеты, какъ «вопросы по службѣ», должны быть знакомы лишь офицерамъ данной части. Планы, замыслы и начинанія родного вѣдомства достаточно будутъ усвоены офицерами—ихъ исполнителями, если въ качествѣ докладчиковъ по нимъ будутъ являться командиры частей, которымъ представится въ такомъ случаѣ не только важная задача открывать передъ подчиненными своими ежегодно новые горизонты, но и возможность лишній разъ призвать ихъ къ энергичной дѣятельности во имя славы, величія Государя и Отечества и во имя успѣха общаго дѣла.

Но не одно центральное вѣдомство должно постоянно ориентировать всю армію въ сущности поставленныхъ цѣлей и принятыхъ рѣшеній. Тотъ же принципъ долженъ руководить дѣйствіями и органовъ строевыхъ управленій, въ которыхъ окончательно созрѣваютъ и оформливаются мысли, идущія свыше. Наши строевые штабы отличаются той же замкнутостью, что и центральное управленіе, и это обстоятельство въ высшей мѣрѣ умалываетъ ихъ полезную роль, обращая ихъ въ канцелярію съ чисто внутренней бумажной жизнью. А между тѣмъ по идеѣ своей строевые штабы—одно тѣло съ войскомъ, одна изъ самыхъ жизненныхъ частей его. Ибо на штабъ должна ложиться задача не только исполнять приказанія начальника и производить наряды и очередную службу частей и лицъ, повѣрять отчетность и проч., но и другая гораздо болѣе крупная задача: 1) держать передъ глазами старшаго начальника открытую книгу жизни и работы войскъ; 2) служить прожекторомъ для послѣднихъ, освѣщая яркимъ лучомъ возникающія цѣли и вопросы. Строевой штабъ—ориентировочный органъ *par excellence*, и въ этомъ назначеніи своемъ обязанъ заготовкой ориентировочнаго матеріала. А послѣдняго, нужнаго войскамъ—масса. Войскамъ нужно знать: 1) какимъ требованіямъ должны отвѣчать, согласно вопросамъ времени и момента, занятія родовъ оружія, а въ послѣднихъ а) занятія офицеровъ; б) строевое обученіе нижнихъ чиновъ; в) занятія гимнастикой; г) занятія грамотностью; д) мѣры воспитанія и духовнаго развитія нижнихъ чиновъ и е) приемы хозяйственной дѣятельности.

- 2) Какіе къ тому существуютъ приемы въ различныхъ войсковыхъ группахъ не только сосѣднихъ—своихъ, но и иностранныхъ.
- 3) Какіе дефекты замѣчены въ работѣ войскъ.
- 4) Какія мѣропріятія избраны для исправленія недочетовъ и какія поставлены новыя цѣли.
- 5) Какъ идетъ работа въ сосѣднихъ группахъ войскъ.
- 6) Что имѣется въ виду въ предстоящій лагерный сборъ.
- 7) Въ провѣркѣ какихъ областей подготовки будутъ заключаться предстоящіе маневры этого года.

А рядомъ со всѣми этими свѣдѣніями войскамъ необходимо знать и итоги уже затраченныхъ усилій и критику ихъ. И вся эта масса вопросовъ, тѣснѣйшимъ образомъ слитыхъ съ жизнью и работою войскъ, должна получать свою яркую обрисовку, свой общій очеркъ именно въ центральномъ органѣ управленія данною группою войскъ, которыя одни стоятъ въ условіяхъ широкаго служебнаго кругозора и слѣдовательно одни въ состояніи ориентировать сосредоточенную въ себѣ исполнительную дѣятельность войскъ. Но, желая препоручить строевымъ штабамъ подобную роль, крайне важно, конечно, найти вѣрный способъ распредѣленія труда между ними, ибо строевые штабы идутъ по инстанціямъ, что создаетъ возможность къ повторной работѣ.

Вполнѣ цѣльный боевымъ организмомъ является корпусъ, ибо въ него включаются всѣ роды оружія и находятъ себѣ мѣсто большинство учреждений, придаваемыхъ войскамъ (госпитали, транспорты, парки и проч.), и слѣдовательно въ штабахъ корпусовъ должна выполняться главная работа по составленію ориентировочнаго матеріала войскамъ. Но это не исключаетъ участія въ работѣ штабовъ округовъ и дивизій, ибо первые отъ себя будутъ давать окончательныя общія сводки итоговъ и намѣчать важнѣйшія пожеланія, а послѣднія будутъ дополнять получаемый матеріалъ своими замѣчаніями и вставками. И если только представить себѣ, въ какой мѣрѣ такая задача отразится на работѣ однихъ офицеровъ генеральнаго штаба, которымъ придется тогда усиленно приняться за изученіе условій родного и иноземнаго военнаго искусства, то станетъ понятно, что только въ такой своей роли штабы отвѣчаютъ своему назначенію, являясь тогда и какъ учрежденіе, и какъ группа лицъ свѣточемъ и истолкователемъ важнѣйшихъ нуждъ и задачъ арміи.

Корпусъ офицеровъ—прочнѣйшій устой арміи. И самодовлѣющее значеніе его таково, что при условіи здороваго и пышнаго расцвѣта онъ не только подчиняетъ своему вліянію элементы арміи, но и является однимъ изъ главныхъ фокусовъ общественнаго, все-народнаго вниманія и уваженія. Но при этомъ условія здороваго и пышнаго цвѣта необходимы, иначе обязательная сила его пропадетъ, ибо онъ тогда уже не будетъ олицетвореніемъ высокой идеи, а будетъ извратителемъ оной, что наноситъ вредъ общимъ интересамъ отечества и что слѣдовательно отвернетъ отъ себя уваженіе. И для того, чтобы корпусъ офицеровъ занималъ достойное мѣсто, безъ котораго онъ не въ силахъ играть своей роли, необходимо вкладывать во всѣ понятія его вѣрное и лучшее пониманіе его правъ и обязанностей, одухотворяя его идеи служенія. А такъ какъ послѣднее достижимо лишь путемъ вліянія на личность, то на условія воспитанія и здороваго развитія послѣдней и должно обращать особое вниманіе организатора.

В. В. Кривенко.

